

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 26 марта 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ГО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

Предварительная повестка дня этого заседания та же, что и 25-го заседания (S/20).

9. Продолжение прений об утверждении повестки дня (S/20)

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Как я сказал сегодня утром, настоящий вопрос может быть разделен на две части: во-первых, может ли заявление иранского правительства быть принято Советом Безопасности¹⁰ и, если да, то, во-вторых, может ли Совет Безопасности запросить о фактах и принять их к сведению.

При всем моем уважении к заявлениям трех великих держав, я нашел и констатирую, что прения ведутся по второй части проблемы, т. е. касаются всех относящихся к ней фактов как таковых, хотя мы еще даже не решили, входит ли рассмотрение данного заявления в нашу компетенцию, или нет. Похоже на то, что мы взяли за дело не с того конца.

Поэтому я хочу разделить эти два вопроса и, не высказываясь по существу самого спора, предлагаю, чтобы Совет принял на рассмотрение жалобу иранского правительства, изложенную в нескольких меморандумах на имя Генерального Секретаря, и поставил немедленно на голосование только этот вопрос.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): В моем утреннем обращении к Совету я не касался сущности предложения, внесенного представителем Ирана. На рассмотрении Совета находится вопрос об утверждении повестки дня. Пока она не будет утверждена, я не считаю, чтобы мы могли обсуждать это предложение как таковое, и не думаю, чтобы одной из сторон в споре можно было продолжать участвовать в дальнейшем обсуждении вопроса, раз другой стороне не дается возможности обратиться с заявлением к Совету Безопасности.

По-моему, мы должны решить, как только что сказал представитель Египта, будет ли включен этот вопрос в повестку дня, или нет. Представитель СССР первым внес предложение о снятии этого вопроса с повестки дня. Я полагаю, что это предложение г-на Громыко надо теперь поставить на голосование.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-французски*): Я хочу коснуться одного принципиального вопроса. Представитель СССР сегодня утром сказал, что обсуждаемый вопрос был представлен на рассмотрение Совета Безопасности на основании письма правительства Ирана от 18 марта 1946 года, адресованного иранским представителем Председателю Совета Безопасности. Он добавил, что даже если бы положение, на которое в этом письме указывается, не изменилось, то и тогда, согласно его толкованию статей 34 и 37 Устава, это не было бы достаточным основанием для вмешательства Совета, так как упомянутые факты не представляют угрозы международной безопасности или миру.

В письме от 18 марта 1946 года сказано следующее:

«В нарушение определенных условий статьи V Трехстороннего союзного договора от 29 января 1942 года¹¹, Союз Советских Социалистических Республик продолжает держать советские войска на иранской территории после 2 марта 1946 года. Кроме того, Союз Советских Социалистических Республик продолжает вмешиваться во внутренние дела Ирана через посредство советских агентов, должностных лиц и вооруженных сил».

Если это не считать угрозой международному миру, то приходится признать, что все малые народы отданы на милость или немилость более сильных держав. Как представитель малого народа, я не могу согласиться с таким толкованием, которое считаю противоречащим духу Устава и целям Организации Объединенных Наций.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Дело не только в процедуре, но и с точки зрения процедуры я не считаю правильным голосовать предложение об исключении иранского вопроса из повестки дня. Мне кажется, что перед нами повестка дня, которую мы должны принять или отклонить, и я считаю, что на текущем заседании правильным было бы голосование о принятии повестки дня, причем те, кто имеют возражения, голосовали бы против ее принятия. Но я не представляю себе, как мы могли бы голосовать против.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я хочу кратко высказаться по одному вопросу. Никто из нас, мне кажется, не будет отрицать значения заявлений, заслушанных нами сегодня утром, и дошедших до нас сведений по существу спорного вопроса. Никто из нас не собирается также оспаривать благоприятного характера этих сведений.

С другой стороны, мне представляется, что значительное большинство членов было бы радо

¹⁰ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2а.

¹¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2b, стр. 24.

выслушать доклад представителя Ирана о сведениях, полученных им от своего правительства. При этих условиях, мне кажется, у нас не возникнет серьезных затруднений при голосовании по вопросу о принятии повестки дня. По смыслу принятых в Лондоне решений Совет должен быть постоянно осведомлен о положении этого спора. Мы все надеемся, что в ближайшем будущем Совет сможет к своему удовлетворению установить, что опасения относительно угрозы миру рассеялись. По-моему, мы должны единогласно принять повестку дня и отложить обсуждение существа вопроса на более поздний срок. Я еще раз выражаю надежду, что все мы, включая представителя Ирана, сможем договориться без особых затруднений.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Что касается возбужденного представителем Польши вопроса процедуры, то по-моему, согласно установившейся практике, в случае внесения поправки к какому-либо предложению, прежде всего рассматривается такая поправка. Я не вполне уверен, во что выльется этот принцип в применении к рассматриваемому ныне вопросу. Если кто-либо из представителей желает исключить из повестки дня тот или иной пункт, это можно повидимому считать поправкой к предложению; но я не знаю, что здесь считать правильным решением. Я склонен думать, что внесенное сегодня утром на 25-м заседании представителем СССР предложение является, собственно говоря, поправкой и что его следует поставить на голосование прежде всего.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) *(говорит по-французски)*: Вопрос предложенной нам процедуры не представляет затруднений. Пункт 4 предварительной повестки дня ничего не говорит о том, должен ли представитель Ирана принять участие в заседании. Лишь после принятия пунктов *a*, *b*, *c* и *d* повестки дня возникнет вопрос о том, будет ли с нами представитель Ирана. В настоящий момент речь идет лишь о пунктах *a*, *b*, *c* и *d* повестки дня.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я согласен с последним заявлением, сделанным представителем Мексики, в том отношении, что вопроса об участии представителя Ирана в происходящей дискуссии не следует поднимать. Этот вопрос в настоящий момент не возникает и его нет смысла теперь обсуждать.

Что касается порядка, которого мы должны придерживаться для голосования, то у меня нет возражений против голосования в том порядке, в котором эти предложения были сделаны. Однако я хочу просить Председателя, чтобы он объяснил мне один пункт: будет ли иметь место голосование по моему предложению, если оно будет поставлено вторым на очередь, т. е. будет ли голосование проведено независимо от того, окажется ли первое предложение о включении иранского вопроса в повестку дня принятым, или нет. Будет ли независимо от этого мое предложение поставлено на голосование, если оно окажется вторым на очереди?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Если представитель СССР предпочитает, я могу поставить это предложение или поправку на голосование в первую очередь. Его предложение фактически поступило до предложения представителя Мексики. Я согласен сделать так, как он предпочитает. Я полагаю, что было бы логично поставить его предложение на голосование первым. Согласен ли он на это? Как он сам сказал, это вопрос чисто процедурного характера.

Если представителю СССР безразлично, я поставлю сейчас на голосование его предложение.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я не возражаю, чтобы мое предложение рассматривалось как поправка к предложению Генерального Секретаря относительно повестки дня. Я также согласен, чтобы голосование было произведено в том порядке, в каком поступили предложения. Если будет принят этот порядок, то мое предложение будет поставлено на голосование вторым. Но в этом случае я хотел бы знать, будет ли голосование по моему предложению произведено независимо от того, какое решение будет принято по первому предложению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Я полагаю, что если путем голосования пункт 4 будет принят, то тем самым автоматически, без дальнейшего голосования, будет вынесено решение по предложению представителя СССР о снятии вопроса с повестки дня.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): В таком случае я заявляю, что присоединяюсь к точке зрения, согласно которой мое предложение следует рассматривать как поправку к первоначальному предложению Генерального Секретаря, вследствие чего надлежит в первую очередь голосовать мое предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Это принято. Председатель вполне согласен.

Просят также слова представитель Польши и представитель Мексики. Я полагаю, что мы посвятили достаточно времени обсуждению этого вопроса процедуры и необходимо теперь решить, поставить ли на голосование в первую очередь поправки представителя СССР или предварительную повестку дня в том виде, как она представлена Генеральным Секретарем. Я склоняюсь к тому, чтобы в первую очередь поставить на голосование поправку представителя СССР. Если представители Польши и Мексики желают высказаться по этому вопросу, мы их выслушаем.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) *(говорит по-французски)*: Я хотел внести то же предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: А то мы прежде всего поставим это на голосование без дальнейшей дискуссии. Желает ли представитель Польши высказаться?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) *(говорит по-английски)*: Я не согласен ни с точкой зрения представителя Соединенного Королевства, ни с точкой зрения представителя СССР, т. е. не согла-

сен с тем, что в данном случае речь идет о поправке. По-моему, Генеральный Секретарь представил повестку дня, которую мы должны принять или отклонить. Если мы ее отклоним, то тогда может быть поставлено на голосование предложение СССР. Поэтому я предлагаю поставить на голосование повестку дня в том виде, как она предложена Генеральным Секретарем, и принять или отклонить ее.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Дело в том, что документ, представленный Генеральным Секретарем Совету Безопасности, не есть повестка дня, так как она никем не принята. Повестка дня становится таковой лишь после принятия ее Советом Безопасности. То, что было представлено Генеральным Секретарем Совету Безопасности, — это предложение относительно повестки дня, всего лишь предложение, никем не принятое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Да, это верно. Мы будем голосовать вопрос о принятии повестки дня, которая, конечно, до принятия не является повесткой дня. Теперь, если нет больше никаких замечаний, я поставлю прежде всего на голосование предложение представителя СССР об исключении пункта 4 из нашей предварительной повестки дня. утверждение которой надо затем проголосовать. Приемлемо ли это?

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Поскольку я понимаю процедуру, на которую мы таким образом соглашаемся, голосование по второму предложению, т. е. по предложению Генерального Секретаря, будет иметь место независимо от того, какое решение будет принято по моему предложению. Иными словами, независимо от того, будет ли мое предложение принято или отклонено, предложение Генерального Секретаря будет все же поставлено на голосование, каков бы ни был результат голосования по моему предложению. Это вполне естественно, так как совпадение голосов по обоим предложениям совсем не обязательно и по крайней мере теоретически нельзя исключать возможности отклонения как первого, так и второго предложения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Да, я согласен. После голосования поправки СССР я снова поставлю на голосование этот пункт для утверждения его Советом Безопасности.

Производится голосование поднятием рук. Поправка СССР отклоняется 9 голосами против 2.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь я ставлю на голосование вопрос об утверждении членами Совета Безопасности пункта 4 повестки дня.

Производится голосование поднятием рук. Предложение принимается 9 голосами против 2. Повестка дня таким образом утверждается.

10. Иранский вопрос

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу обратить внима-

ние Совета Безопасности на сделанное мною предложение об отсрочке до 10 апреля рассмотрения вопроса, поднятого иранским послом в Вашингтоне г-ном Гуссейном Ала. Это предложение было сделано в моем письме Генеральному Секретарю от 19 марта¹² по мотивам, изложенным в этом письме. Положение с тех пор изменилось в направлении, придающем еще большую силу моим аргументам и еще больше веса заявлению, которое я тогда сделал. В то время еще не было сообщения относительно результатов переговоров между советским и иранским правительствами, которое было сделано позже. Сейчас Совет Безопасности имеет информацию в отношении этих переговоров и о достигнутых результатах. Договоренность была достигнута по важному вопросу, который, собственно говоря, и был поднят иранской делегацией в Лондоне. Аргументы, приведенные в моем письме от 19 марта, подтверждены последовавшими позже событиями.

Заключительная часть резолюции, принятой Советом Безопасности на его пятом*) заседании в Лондоне 30 января¹³, рекомендует обеим сторонам информировать Совет о результатах переговоров. Резолюция, таким образом, накладывает на стороны обязательство информировать Совет Безопасности о результатах переговоров, которые начались в Москве сразу же после окончания заседания Совета Безопасности в Лондоне. Поскольку эти переговоры не закончились, ясно, что не могло быть и информации. Теперь в переговорах достигнута важная стадия, и уже имеются положительные результаты. Об этих результатах я уже имел возможность информировать сегодня Совет Безопасности. Из этого следует единственно правильный вывод, что внесенное мною предложение об отсрочке рассмотрения этого вопроса до 10 апреля может рассматриваться как минимальное требование со стороны советского правительства, и это требование полностью оправдано.

Я не желаю входить в разбор существа содержания письма иранского посла от 18 марта, как я уже указывал сегодня в связи с обсуждением моего предложения о невключении в повестку дня Совета вопроса об иранском обращении. Мы можем заниматься теперь только процедурной стороной вопроса, а именно вопросом о предложении относительно отсрочки рассмотрения иранского заявления до 10 апреля. Я ограничусь поэтому лишь анализом формального аспекта письма г-на Гуссейна Ала, в связи с обсуждением процедурной стороны вопроса.

В своей резолюции от 30 января в Лондоне Совет Безопасности ссылается на пункт 1 статьи 33 и пункт 2 статьи 36 Устава и ограничивается фиксированием намерения советского и иранского правительств продолжать прямые переговоры. Такие переговоры начались в Москве в феврале этого года по прибытии туда иранской делегации во главе с иранским премьер-министром г-ном Гавам-эс-Салтанэ.

¹² См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2b.

*) Примечание переводчика: В оригинале ошибочно сказано «четвертом».

¹³ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, № 1, стр. 36.

Московская фаза этих переговоров закончилась опубликованием 7 марта коммюнике, в котором указывалось, в частности, следующее: «Оба правительства приложат все усилия к тому, чтобы с назначением нового советского посла в Иран были созданы благоприятные условия для дальнейшего укрепления взаимных дружественных отношений между обеими странами».

Из содержания коммюнике ясно вытекало, что оба правительства не считали данный вопрос окончательно решенным и что они были готовы продолжать разрешение данного вопроса обычным путем через своих послов, после назначения нового советского посла.

Теперь, как уже известно, закончилась одна существенная фаза переговоров, ведущихся между двумя правительствами. Такое положение дел полностью оправдывает требование советского правительства об отсрочке рассмотрения иранского заявления от 18 марта в Совете Безопасности до 10 апреля, и я должен сказать, что мне трудно понять мотивы тех членов Совета, которые возражают против этого требования советского правительства.

Такова картина существующего положения, учитывая которое, я по поручению своего правительства ставлю вопрос об отсрочке рассмотрения иранского обращения.

Я должен отметить, что в письме иранского посла от 18 марта действительное положение искажено. Письмо не содержит ни единого слова относительно переговоров, ведущихся между двумя правительствами. Оно игнорирует полностью эти переговоры и поднимает вновь вопрос, который был уже разрешен резолюцией Совета Безопасности от 30 января. Тогда Совет Безопасности пришел к заключению, что урегулирование советско-иранских разногласий должно быть достигнуто путем прямых переговоров между Советским Союзом и Ираном.

Иранский посол, сознавая повидимому слабость своей позиции в первом письме, сказал нечто новое в своем втором письме от 20 марта. Он даже упоминает о переговорах между советским и иранским правительствами. Но когда в письме от 20 марта иранский посол действительно делает ссылку на переговоры, то я желал бы отметить, что единственное замечание, которое он делает, — это следующее: «Эти переговоры потерпели крах». Теперь уже очевидно для всех, что это определение не соответствует фактическому положению вещей и является еще более несостоятельным в свете последних событий.

Я хотел бы в этой связи обратить внимание Совета Безопасности на заявление, сделанное премьер-министром Ирана г-ном Гавам-эс-Салтанэ представителю «Associated Press» 23 марта. В своем заявлении премьер-министр Ирана фактически подтверждает, что переговоры между правительствами СССР и Ирана продолжаются, и выражает надежду на достижение положительных результатов. Все это подчеркивает, что аргументы и факты, содержащиеся в моем письме от 19 марта, в котором я поставил вопрос об отсрочке дискуссии по иранскому заявлению, остаются в полной силе.

В заключение я хотел бы сделать следующее замечание. Когда существует расхождение меж-

ду утверждением премьер-министра г-на Гавам-эс-Салтанэ, с одной стороны, и заявлением, сделанным дипломатическим представителем Ирана в Соединенных Штатах Америки, — с другой, то какому утверждению отдать предпочтение? Какое утверждение должно считаться более точным и соответствующим действительности? Я предоставляю членам Совета Безопасности самим дать ответ на этот вопрос.

Ввиду имеющих место переговоров между правительствами Советского Союза и Ирана, а также ввиду наличия уже достигнутых положительных результатов, я вновь предлагаю, чтобы Совет Безопасности отложил рассмотрение иранского заявления до 10 апреля. Я хочу повторить вновь, что советское правительство не готово и не сможет принять участия в обсуждении иранского заявления, если Совет Безопасности примет решение не откладывать обсуждения этого заявления и приступить к его рассмотрению немедленно.

ХАССАН-паша (Египет) (говорит по-английски): Я хочу лишь выразить уверенность в том, что никто из членов Совета не хочет принимать поспешных решений. Все мы стремимся к мирному разрешению всех поставленных перед нами вопросов.

Я очень внимательно выслушал доводы, приведенные нашим коллегой, представителем СССР, и вполне признаю их вескость. Но, насколько я знаю, представитель другой стороны находится в Нью-Йорке и, как я уже заметил раньше, если бы этот представитель был приглашен принять участие в нашем обсуждении, то весьма возможно, что и он согласился бы с предложением советского представителя об отсрочке. Или может быть его доводы в пользу сохранения этого вопроса на повестке дня и немедленного его рассмотрения оказались бы неосновательными. Весьма возможно, что за время с 18 марта появились новые данные, о которых представитель Ирана желал бы сообщить Совету. Зачем заранее считать, что представитель Ирана будет возражать против каждого предложения, сделанного советской делегацией?

Чтобы быть последовательным, я возвращусь к предложению, внесенному мной сегодня утром, а именно чтобы мы разделили вопрос на две составные части и дали возможность иранскому представителю изложить свою точку зрения так, как он пожелает, не предпреляя стоящего перед нами сейчас вопроса. Мы хотим выслушать другую заинтересованную сторону и ее доводы. Только тогда мы сможем принять действительно разумное решение. Как я уже сказал, это не значит, что мы будем чрезмерно торопиться, так как наша задача заключается в разрешении вопросов мирным путем в интересах международного мира.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (говорит по-английски): Когда я просил слова, я хотел высказать мнение, сходное с тем, которое нам изложил представитель Египта. Не выслушав представителя иранского правительства, мы не можем вынести решения об отсрочке обсуждения вопроса. Предложение о том, чтобы высказались обе заинтересованные стороны от-

нюдь не означает, что мы сомневаемся в чьей-либо правдивости. После того как мы выслушаем представителя иранского правительства, мы сможем решить, нужна ли отсрочка на два дня, на три дня, или до 10 апреля, как предложил представитель СССР. Было бы крайне несправедливо вынести решение по этому вопросу, не выслушав представителя Ирана.

Здесь говорят о письме, представленном от имени иранского правительства. Последнему, конечно, надо дать возможность сделать заявление в Совете. Согласно статье 31 Устава «любой член Организации, который не является членом Совета Безопасности, может принять участие, без права голоса, в обсуждении любого вопроса, внесенного в Совет Безопасности, во всех тех случаях, когда Совет Безопасности находит, что интересы этого члена Организации специально затронуты». Принимая во внимание письмо представителя иранского правительства Совету Безопасности, мы все должны согласиться с тем, что интересы этого правительства затронуты внешним предложением об отсрочке.

Поэтому, если представитель Египта вносит взамен предложения представителя СССР предложение о допущении, в соответствии с положениями Устава, представителя Ирана к участию в обсуждении вопроса, я охотно поддерживаю это предложение. Если он не желает формально внести это предложение, то внесу его я.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): После того как решено включить этот пункт в повестку дня, надо обсудить, будет ли благоразумно и целесообразно, чтобы Совет немедленно перешел к обсуждению этого пункта, или лучше его обсуждение отложить.

При решении этого вопроса мы должны руководствоваться различными соображениями. Прежде всего, мы должны учесть желания сторон. Советский представитель сперва просил отложить заседание Совета Безопасности. Затем он просил снять иранский вопрос с предварительной повестки дня, что фактически равносильно просьбе об отсрочке всякого обсуждения этого вопроса. Теперь он определенно требует, чтобы вопрос этот был отложен до 10 апреля. Поэтому я не вполне понимаю, почему он был удивлен возражениями на его требование, — требование совершенно новое. — после того как он сначала просил вообще отложить заседание Совета Безопасности, а не только один этот пункт. Поэтому дело Совета решить, в какой мере приведенные им доводы обосновывают его просьбу.

Второе соображение, которое должно быть принято во внимание, это приемлемость того или иного решения для других членов Совета Безопасности. Некоторые члены Совета могут также считать, что они еще не готовы приступить к немедленному обсуждению вопроса, что их представителю необходимо время для подготовки и получения дополнительных сведений или указаний.

Далее следует установить наиболее эффективные методы разрешения этого спора. С одной стороны, нельзя не признать срочности данного вопроса. С другой стороны, необходимо неторопливое и методическое рассмотрение фактов и до-

кументов без слишком поспешного перехода к общему приятию, так как это могло бы нанести ущерб правильному решению вопроса.

Что касается отсрочки обсуждения этого пункта повестки дня, то в пользу этого предложения можно привести следующие соображения:

а) убедительность по мнению Совета доводов СССР в пользу отсрочки;

б) желание других правительств, ввиду важности вопроса, прислать более ответственных политических представителей, например, министров иностранных дел, как это сделали Соединенные Штаты Америки, назначившие г-на Бернса;

с) необходимость возможно более тщательно рассмотреть спора, как такового.

В Уставе предусмотрены некоторые методы разрешения споров; какой бы из них ни был принят, он вызовет необходимость всестороннего рассмотрения фактов и документов. Независимо от того, будет ли принята процедура, предусмотренная статьями 33, 34, 36 или 37, никакие меры, указанные в Уставе, не могут быть применены на основании лишь общих прений. Эти меры должны вытекать из тщательного изучения всех относящихся к делу фактов.

Так, например, статья 34 предлагает нам расследовать какой-нибудь спор или ситуацию. Расследование мы можем произвести лишь путем изучения документов, проверки поступивших данных и требования доказательств. Согласно статье 37, предлагающей нам рекомендовать условия разрешения того или иного спора, мы не можем делать рекомендаций, не будучи полностью осведомленными обо всех обстоятельствах данного спора или ситуации.

Методическое рассмотрение данного спора можно было бы произвести примерно следующим образом. Должна быть установлена справедливая процедура разбора этого спора. Сторонам в споре следует, во-первых, в случае отсрочки рассмотрения этого вопроса, предложить не прибегать к действиям, которые могли бы неблагоприятно отразиться на существующем положении вещей или затруднить окончательное разрешение вопроса. Во-вторых, когда начнется его рассмотрение, ввиду того что Иран подал свою жалобу в письменной форме. Советскому Союзу, перед рассмотрением дела, должно быть предложено представить в приемлемый срок письменный ответ. В-третьих, Совет Безопасности должен назначить срок, когда весь этот спор будет им рассмотрен. Начатое слушание дела должно быть закончено в кратчайший срок.

Поэтому я не считал бы правильным предложение об отсрочке дела, после того как представитель Ирана будет приглашен к участию в обсуждениях Совета. По-моему это неблагоприятно. Приступив к слушанию дела, мы должны и возможно скорее довести его до конца. Это возможно, если мы предложим представителю Ирана передать нам обстоятельный документ, с указанием всех фактов, как они представляются его правительству, чтобы мы могли отнестись к ним с должным вниманием.

Учитывая все сказанное, австралийская делегация готова благоприятно отнестись к просьбе делегации СССР, пока правительство Ирана не

представит в письменной форме фактических данных, относящихся к его версии создавшегося положения, причем само собой разумеется, что этот пункт будет тем временем оставаться на повестке дня Совета и что стороны не должны предпринимать ничего такого, что могло бы изменить существующее положение или помешать разрешению вопроса.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Совет уже решил не так давно включить этот пункт в повестку дня. Вопрос, который занимает внимание Совета в настоящее время, заключается в том, следует ли приступить теперь к обсуждению спора или отсрочить его до 10 апреля, или на более короткий срок.

Я слушал замечания представителя СССР, когда он высказывался за отсрочку. Я должен сказать, что не вполне понял все его доводы и не нахожу, чтобы они доказали необходимость этой отсрочки.

Но я не хочу в настоящий момент останавливаться на этом и задерживать надолго внимание Совета, так как был возбужден дополнительный вопрос, который, по моему мнению, является важным предварительным вопросом. Я имею в виду предложение, сделанное представителем Египта. Мне казалось, что мы были недалеко от единодушного заключения, что для решения того, провести ли обсуждение вопроса теперь или отсрочить его до 10 апреля, мы должны выслушать представителя Ирана и знать его точку зрения. Я конечно поддержал бы это предложение, которое мне представляется разумным. Мне кажется, что и представитель Соединенных Штатов обещал это предложение поддержать.

Теперь поднят вопрос о том, не будет ли правильным — в целях выяснения взглядов иранского представителя — просить его представить надлежащим образом документированное письменное заявление. Но ведь, если представитель Ирана может явиться сюда, будет гораздо лучше и быстрее выслушать его лично. Он мог бы объяснить свою сторону дела, и это бы помогло решить, должны ли мы приступить к обсуждению самого вопроса или это обсуждение отложить. Я считаю, что отсрочка несколько опасна. Если разрешите, я напомню то, что сказал сегодня утром: по моему мнению существующее положение вызывает — я не хочу сказать беспокойство, это быть может слишком сильное слово, — а вернее некоторую долю сомнения и замешательства. Чем дольше это положение останется неразрешенным, тем хуже, по-моему, для всего мира. Поэтому я искренно надеюсь, что мы сможем, не откладывая, принять решение о том, чтобы приступить к обсуждению этого дела, что внесет ясность и устранил все сомнения и трудности. Поэтому, возвращаясь к основному вопросу, я хочу поддержать резолюцию, предлагающую пригласить иранского представителя занять место за столом Совета, с тем чтобы мы могли его выслушать и решить, что делать дальше.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я хотел заявить, что я всецело присоединяюсь как к аргументации, так и к предложению представителя Австралии. Перед нами две воз-

можности — либо немедленно пригласить представителя Ирана занять место за столом Совета и приступить к слушанию дела, либо постараться всесторонне осветить обстоятельства этого дела. Я полагаю, что последнее следует предпочесть, прежде всего потому, что мало повидимому кто из нас в настоящее время достаточно точно осведомлен о подробностях, чтобы быть в состоянии занять продуманную и обоснованную позицию. По словам представителя СССР, он также находится в затруднительном положении, ввиду отсутствия достаточного материала и подготовки в этом деле.

С другой стороны, мы знаем, что у представителя Ирана возникли некоторые затруднения в сношениях со своим правительством и что имелось расхождение между его взглядами и позицией его правительства в Тегеране. Что же, в этом нет ничего удивительного ввиду трудностей в сношениях с Тегераном, и это вполне естественно. И у меня иногда возникают затруднения такого рода, и я получаю от своего правительства информацию с опозданием на десять дней или на две недели.

Все эти доводы, как мне представляется, подтверждают точку зрения представителя Австралии и в то же время позволяют учесть пожелания представителя СССР.

Теперь перед нами два предложения: одно — немедленно пригласить представителя Ирана, другое — просить правительство Ирана представить нам свою сторону дела в письменной форме и со всей надлежащей документацией. При этом я конечно считаю, что в таком случае то же следует, разумеется, и правительство СССР. Так вот, из этих двух предложений, второе дает более широкий охват и идет дальше первого; поэтому я предлагаю прежде всего поставить на голосование предложение представителя Австралии.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу обратить внимание членов Совета Безопасности на заявление премьер-министра Ирана г-на Гавам-эс-Салтанэ, которое он сделал 23 марта. Я хочу обратить внимание Совета на это заявление потому, что оно имеет прямое отношение к вопросу, который решается в настоящее время. Премьер-министр заявил, что ему совершенно безразлично, откроются ли заседания Совета Безопасности с обсуждения этого вопроса или нет, и что, следовательно, ему безразлично, будет ли обсуждаться этот вопрос сейчас или через две недели.

Я думаю, что мы должны иметь в виду заявление премьер-министра Ирана, которое имеет прямое и непосредственное отношение к рассматриваемому теперь вопросу. Предложение Египта, поддержанное представителями Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, является, по-моему, результатом какого-то недоразумения. Дело в том, что сущность моего предложения сводится к тому, чтобы отложить обсуждение вопроса до 10 апреля. Спрашивается, как же можно ставить вопрос о предложении представителю Ирана участвовать в дискуссии об отложении дискуссии по иранскому вопросу. Мое предложение и предложение некоторых других членов Совета Безопасности друг друга исключают.

Предложение представителя Египта, поддержанное г-ном Бернсом и сэром Александром Калоганом, противоречит не только общепризнанным правилам процедуры, но, должен к сожалению сказать, и здравому смыслу. По соображениям, которые я изложил, я категорически возражаю против той процедуры, которая предложена представителем Египта и поддержана представителями Соединенных Штатов и Соединенного Королевства.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-французски*): Резолюцией, принятой 30 января Советом Безопасности на его сессии в Лондоне, сторонам было предложено осведомлять Совет Безопасности о ходе их переговоров. Правда, Председателю Совета Безопасности были официально представлены документы в соответствии с вышеуказанной резолюцией. Но сегодня утром и днем от представителя СССР поступила новая устная информация, причем г-н Громыко говорил как от имени своего правительства, так и от имени правительства Ирана.

Кроме того, представитель Польши выступил в роли поверенного Ирана, когда заявил, что сношения между правительством Ирана и его представителем в Соединенных Штатах затруднены. Он добавил, что следует выждать получения представителем Ирана от своего правительства необходимой информации, прежде чем продолжать обсуждение иранского вопроса. Но я все же считаю, что нам следует об этом выслушать мнение самого представителя Ирана.

В полученных нами сведениях есть несомненно некоторые противоречия. Представитель СССР заявил, что письмо представителя Ирана от 18 марта не соответствует действительному положению. Дело представителя Ирана это противоречие разъяснить.

Представитель СССР дважды упомянул о заявлении, сделанном премьер-министром Ирана агентству Associated Press. Он спросил, следует ли нам принять во внимание заявление премьер-министра, или заявление его дипломатического представителя в Соединенных Штатах? Очевидно, сообщения для печати не могут служить основой для обсуждения данного вопроса. Я считаю, что мы должны предложить представителю Ирана высказаться относительно того, следует ли отложить рассмотрение дела, или нет.

Что касается австралийского предложения, поддержанного делегацией Польши, о том, чтобы мы просили иранского представителя представить письменную информацию, то я считаю, что мы можем удовлетвориться устным сообщением. Я предлагаю поэтому, чтобы Совет пригласил представителя Ирана принять участие в нашей дискуссии.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я хочу добавить лишь несколько слов к тому, что сказал раньше. Это странная процедура. Иранское правительство доводит до сведения Совета через своего представителя, что создалась ситуация, представляющая угрозу международному миру и безопасности. Когда Совет собирается, чтобы обсудить этот вопрос, представитель Ирана, как известно большинству из нас, присутствует в зале заседания.

Он может слышать, как представитель СССР говорит от имени иранского правительства, может слышать, как цитируются сообщения Associated Press. Он слышит, как все говорят от имени его правительства, но сам он от его имени говорить не может.

Малые нации мира будут с большим интересом следить за тем, что мы здесь делаем. Мы облечены широкими полномочиями и должны ими мудро пользоваться. По идее Устава доступ в Совет Безопасности должен быть открыт для любой нации, которая считает, что международный мир находится под угрозой. Нельзя говорить, что та или иная нация может явиться в Совет, а когда она желает высказаться по вопросу, затрагивающему жизненные ее интересы, — отказать ей в возможности это сделать. Как известно всем членам Совета Безопасности, предложение об отсрочке имеет жизненно важное значение для иранского правительства. Я могу себе представить положение, когда чьи-либо вооруженные силы угрожают международному миру, как в настоящем случае, а Совет заявляет: «Ваш представитель может присутствовать на заседании, но он не может давать объяснений по своему делу».

Мы телеграфировали и писали иранскому правительству, и что тем временем произошло? Никто этого сказать не может. Мы не можем приступить к голосованию вопроса об отсрочке в таком деле до тех пор, пока мы не предоставим возможности высказаться представителю подавшего жалобу правительства.

Предложение, внесенное представителем Египта, представляется мне справедливым и разумным: дать подавшему жалобу правительству возможность высказаться.

Все государства, не состоящие членами Совета Безопасности, захотят несомненно знать, всегда ли будет так трудно, как в данном случае, внести свое дело на рассмотрение Совета Безопасности. Так поступать нельзя. Мы должны давать им возможность быть выслушанными. Потом, выслушав их, выслушав, что скажет представитель иранского правительства от имени последнего, мы можем, если не будем удовлетворены его заявлением, отложить рассмотрение вопроса. Но отсрочить вопрос, не дав представителю Ирана возможности высказаться, значило бы нарушить дух Устава.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Г-н Бернс в своем выступлении заявил, что создается очень странное положение, когда представитель СССР излагает свою точку зрения, когда агентство Associated Press передает текст интервью с премьер-министром Ирана, а иранский представитель, присутствующий здесь, не может высказаться. Это вполне понятно, ибо сейчас обсуждается вопрос не по существу, а обсуждается чисто процедурная сторона дела, я повторяю — чисто процедурная сторона дела. Предложение, которое я внес, заключается в просьбе отложить дискуссию по вопросу, поднятому иранским представителем в его письме от 18 марта, до 10 апреля. Спрашивается, на каком основании иранский представитель может принять участие в дискуссии по во-

просу об отложении дискуссии. Он этого сделать не может. И правильно, что не может, ибо он не является членом Совета Безопасности. Сейчас обсуждается лишь процедурная сторона вопроса. Поэтому-то и не следует удивляться, что иранский представитель не принимает участия в дискуссии. Это — мое первое замечание.

Второе замечание. Я, как советский представитель, вновь заявляю, что в силу соображений, уже изложенных мною раньше, я не смогу принять участия в дискуссии по данному вопросу и в заседаниях Совета Безопасности, в случае если иранский представитель будет приглашен принять участие в прениях, а следовательно — в случае начала дискуссии по существу иранского заявления. А его участие в прениях означало бы начало дискуссии по существу вопроса. Мое предложение исключает предложение, внесенное представителем Египта и поддержанное некоторыми другими членами Совета Безопасности.

Я хочу также обратить внимание на процедуру, которой следовали в Лондоне. Тогда представитель Ирана был приглашен лишь после того, как Совет Безопасности приступил к обсуждению вопроса по существу. В обсуждении вопросов процедуры иранский представитель не принимал участия, и вообще этот вопрос в Лондоне не возникал. Я удивляюсь, почему он возник сейчас и поставлен на обсуждение Совета. Это вносит лишь путаницу в процедуру и, вместо того чтобы упрощать сложные и неясные вопросы, усложняет и запутывает простые и ясные вопросы.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Эти прения по-моему помогли с полной определенностью установить одно обстоятельство, а именно что интересы Ирана, говоря словами статьи 31, специально затронуты при обсуждении находящегося на нашем рассмотрении вопроса, т. е. вопроса о том, должна ли быть отложена дискуссия, или нет. Поэтому я полагаю, что не нам решать, должна или не должна быть применена статья 31. Мы обязаны эту статью применить. Поэтому не может быть сомнения в том, что Иран должен быть представлен за столом Совета.

Я хочу сделать еще одно замечание. Я несколько смущен заявлением представителя СССР, что его правительство не может согласиться на обсуждение вопроса ранее 10 апреля, так как думаю, что если Совет найдет нужным иметь эту дискуссию, — причем я не предпримаю этого вопроса, ибо хочу видеть представителя Ирана за столом Совета и хочу слышать, что он скажет относительно отсрочки, прежде чем склонюсь к тому или иному решению, — я повторяю, если Совет сочтет нужным иметь эту дискуссию, я не считаю, чтобы какой-либо член Совета имел право парализовать это постановление Совета или заранее заявлять, что он не примет участия в обсуждении, так как нахожу, что это равносильно оказанию своего рода давления, каковое считаю не совсем корректным. Одно из обязательств, которое мы приняли на себя, вступив в Организацию Объединенных Наций, это — обязательство сотрудничать друг с другом, и я думаю, что это вполне соответствует целям и принципам, провозглашенным в преамбуле Устава.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я хочу добавить еще лишь одно или два слова. В Лондоне, когда тот или иной вопрос вносился в повестку дня, Председатель приглашал стороны занять свои места за столом Совета. Сейчас этот вопрос стоит на повестке дня. Какое бы ни было вынесено решение по этому вопросу, оно не может не затронуть жизненных интересов иранского правительства. Если бы представитель советского правительства заявил, что он желает отложить рассмотрение вопроса до 1 января будущего года, разве мог бы кто-нибудь сказать, что это не затрагивает интересов иранского правительства и что ему не должно быть разрешено выступить с заявлением? Я думаю, надо согласиться, что теперь, когда иранский вопрос включен в повестку дня Совета Безопасности, последний имеет право пригласить представителя подавшего жалобу правительства сделать свое заявление. Таково было предложение представителя Египта, и я прошу поставить это предложение на голосование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прежде чем предоставить слово другим ораторам, если кто-либо желает высказаться, я хочу сказать следующее. Мне представляется, что внесено два предложения. Во-первых — предложение представителя СССР отложить до 10 апреля обсуждение иранского вопроса, который был формально включен в повестку дня. Во-вторых — предложение представителя Египта, поддержанное представителями Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Мексики и Нидерландов, о том, чтобы пригласить, в соответствии со статьей 31, представителя Ирана занять место за столом Совета и изложить свое заявление, без предпрещения вопроса об отсрочке Советом обсуждения иранского вопроса, как то предлагает представитель СССР.

Это все еще остается вопросом процедуры. Выслушав заявление представителя Ирана, Совет сможет легче решить, можно ли отложить обсуждение.

Было еще и третье предложение, внесенное представителем Австралии и предусматривающее обращение к иранскому правительству с просьбой представить документированное письменное заявление, с тем чтобы Совет решил затем вопрос об отсрочке.

Я поставлю эти три предложения на голосование в том порядке, в котором они были внесены.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Я хочу внести полную ясность в позицию австралийской делегации. Здесь был сделан намек на то, что кому-то быть может, не хочется дать Ирану возможности быть выслушанным. Это совершенно не соответствует действительности. Конечно, все хотят, чтобы Ирану была дана полнейшая возможность высказаться. Но я считаю, что слушание принятого к рассмотрению дела должно производиться надлежащим, строго систематическим образом. Поэтому я хотел бы высказать следующие соображения относительно методов, которыми, по мнению австралийской делегации, Совет Безопасности должен пользоваться при исполнении своих обязанностей.

В Совет Безопасности поступила жалоба, и мы должны действовать от имени всех членов Организации Объединенных Наций, а не только от своего имени. Мы должны считать себя как бы судебным органом и подходить к вопросу, основываясь на фактах и доказательствах, чтобы обеспечить справедливое решение в интересах всеобщего мира или, как сказано в Уставе (пункт 1 статьи 1), «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров». Для этого Совет должен действовать осторожно, установить все факты и получить относящиеся к делу сведения, а затем спокойно и беспристрастно эти факты и сведения исследовать. Только таким образом возможно надлежащее отправление правосудия.

Я должен откровенно сказать, что, по мнению австралийской делегации, некоторые из методов, принятых на первых заседаниях Совета Безопасности в Лондоне, были непелесообразны в том отношении, что к нам обращались с множественными заявлениями, непрерывно следовавшими одно за другим, что не давало времени для их внимательного рассмотрения и без письменного их изложения, что облегчило бы их изучение на предмет обдуманного на них ответа. В результате, мы выслушивали целый ряд заявлений и контрзаявлений, которые вели подчас к взаимным обвинениям и создали атмосферу, вредную для столь высокого судебного трибунала.

Точка зрения Австралии в основе своей состоит в том, что при мирном разрешении международных споров, на основании главы VI Устава, следует иметь прежде всего в виду, что Совет Безопасности по существу своему является почти судебным органом. Это вытекает с полной очевидностью из пункта 3 статьи 27, где говорится, что сторона в споре должна воздержаться от голосования. Это принцип, характерный для судебных и полусудебных органов. Короче говоря, Совет по идее должен занимать при рассмотрении споров, не требующих судебного решения, позицию, подобную позиции Международного Суда в отношении споров, разрешаемых судебным порядком. В своих действиях и решениях Совет должен руководствоваться этим принципом. Он должен отправлять правосудие беспристрастно, по совести и справедливости, на основании установленных обстоятельств каждого данного дела.

Так вот я хочу сказать, что раз вы приступаете к рассмотрению этого дела, раз вы приглашаете представителя Ирана участвовать в обсуждении, — причем я подчеркиваю, что отнюдь не возражаю против присутствия его за этим столом или представления им письменного заявления, при условии, чтобы оно ограничивалось фактами. В том освещении, как они представляются его правительству, — я предлагаю, чтобы мы не пускались в общее обсуждение существа вопроса, пока у нас не будет времени в этих фактах разобратся.

Поэтому мое предложение заключается в том, чтобы отложить рассмотрение пункта 4 до того времени, когда иранское правительство представит письменное заявление с документами. Я не возражаю против того, чтобы письменное заяв-

ление было дополнено устными объяснениями с указанием фактов в том виде, как они будут в то время известны иранскому правительству, и тогда Совет сможет опять рассмотреть предложение представителя СССР об отсрочке обсуждения до 10 апреля. При этом имеется в виду, что этот пункт останется тем временем на повестке дня и что стороны не предпримут действий, направленных на изменение существующего положения или могущих затруднить разрешение иранского вопроса. Таков был полный текст или смысл моего предложения.

ХАССАН-папа (Египет) (*говорит по-английски*): Я прошу прощения, что выступаю еще раз, так как, мне кажется, это заседание слишком затянулось из-за нашего многословия. Но я хотел сказать, что я вполне согласен с моим австралийским коллегой в том, что Совет Безопасности должен рассматриваться как высокий судебный орган и что наши решения должны выноситься лишь по соображениям права и справедливости. Но я хочу устранить некоторое недоразумение.

Насколько я помню, представитель СССР сказал, что, если мы пригласим представителя Ирана сесть за этот стол, с тем чтобы высказаться по вопросу об отсрочке, мы создадим этим положение, которое предreshало бы само существо вопроса. Как бывший судья я не думаю, чтобы такое утверждение было правильным, разве только произошли какие-нибудь изменения, с тех пор как я оставил свою судебскую деятельность. Вопрос об отсрочке является, по моему мнению, лишь предварительным вопросом, который по необходимости должен быть разрешен до рассмотрения дела по существу. Поэтому будет справедливо, если вы позволите мне сказать еще несколько слов.

Конечно, мы своего рода суд. Но представитель СССР играет в этом суде двоякую роль: он не только судья, он в то же самое время и сторона. Он хочет отсрочки; другой стороне должно быть предоставлено право сказать, желает ли она отсрочки, или нет. И на основании тех доводов, которые будут представлены той и другой стороной, высокий трибунал решит, будет ли дело отсрочено, или нет. Это не будет предreshением вопроса по существу. Вопрос об отсрочке — чисто процессуальный вопрос, который должен быть разрешен прежде, чем мы сможем коснуться существа дела.

Теперь я хочу обратить внимание моего австралийского коллеги на то, что его делегация считает нужным, чтобы иранский представитель сделал письменное заявление. За всю мою судебскую практику я не помню случая, чтобы какая-либо из сторон должна была обязательно представить письменное заявление. Суд, выслушав устные объяснения, которые даются прежде всего, может сам предложить стороне представить письменный меморандум относительно затронутых ею, при даче устных объяснений, вопросов. Я полагаю, что нет такого кодекса, нет такой статьи в каком-либо кодексе, которая могла бы пониматься в том смысле, что стороны должны представлять свои доводы в письменной форме. Поэтому я не понимаю, зачем австралийской делегации настаивать на том, чтобы иранское заявление было представлено в письменной

форме. После того как мы заслушаем иранского представителя по его делу, мы можем, если пожелаем, предложить ему сделать письменное заявление с изложением его взглядов. Но мы не можем заранее сказать, потребуем ли мы от него представления письменного объяснения, или нет. Ввиду этих соображений я поддерживаю мое предыдущее предложение по этому вопросу.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Мы целый день обсуждали вопрос, чрезвычайно важный, и я думаю, что мы должны подойти к нему со свежей головой. Теперь, после шести часов дебатов с коротким перерывом на завтрак, я хочу предложить перенести продолжение дискуссии на завтрашний день. Если мое предложение не будет принято, я оставляю за собой право высказаться еще раз по стоящему перед нами вопросу.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Сегодня утром я выразил сожаление, что мы не могли прийти к соглашению в тот момент, когда, как мне казалось, мы все были убеждены в том, что, в результате недавно полученных нами сведений, находящаяся на нашем рассмотрении ситуация представляется в гораздо более благоприятном свете, чем мы думали раньше. Я сожалел, что нам надо было два раза голосовать по рассматриваемому предложению, но мы это сделали.

Сейчас перед нами три предложения и мы должны будем голосовать три раза. Каков бы ни был результат этих голосований, — а некоторые из нас могут испытать после них чувство горечи, — эти предложения во многих отношениях очень похожи друг на друга, хотя кое в чем и отличаются. Так например, предложение Австралии мало чем отличается от двух других.

При каких условиях будет произведено голосование этих трех предложений? Возможно, что сегодня мы опять отвергнем предложение СССР, а завтра некоторые из нас согласятся, быть может, на отсрочку дальнейшего рассмотрения иранского вопроса. Таким образом может случиться, что, разрешив вопрос путем голосования сегодня, мы должны будем голосовать завтра противоположное предложение. Это вполне возможно, так как стоящий перед нами вопрос процедуры, очень сложен и труден. Я считаю, что нам не следует принимать какого бы то ни было решения, пока мы не обдумаем этот вопрос всесторонне и не устраним некоторых явных противоречий.

Когда в орган, подобный Совету Безопасности, внесено три предложения, он может назначить подкомитет для их рассмотрения и выяснения, не согласится ли кто-либо из представителей снять свое предложение. Я полностью поддерживал предложение Австралии относительно необходимости всесторонней документации. По-моему, мы могли бы отказаться от голосования и воспользоваться испытанным методом передачи вопроса в подкомитет. Завтра утром или днем докладчик подкомитета мог бы представить доклад, и это сильно облегчило бы нашу дискуссию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Могу ли я считать, что внесено формальное предложение об учреждении подкомитета?

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я готов представить это пожелание как формальное предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Имеется предложение о закрытии заседания, которое имеет приоритет перед всеми другими предложениями. Я его поставлю на голосование первым.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я готов снять свое предложение в пользу предложения представителя Франции.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я поддерживаю предложение представителя Франции, если подкомитет представит свой доклад не позднее 3 ч. дня завтра, — только под этим условием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Хорошо, в таком случае я прежде всего поставлю на голосование предложение представителя Франции.

Согласны ли на это остальные члены Совета Безопасности? Поступило предложение об учреждении подкомитета из трех лиц для рассмотрения внесенных в Совет предложений, с тем чтобы представить Совету Безопасности доклад не позднее 3 ч. дня завтра.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Не будет ли Председатель Совета председательствовать в подкомитете?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Имеете ли вы в виду подкомитет в составе трех лиц, включая председателя, или в составе четырех лиц?

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Из трех членов, включая Председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Доклад этого подкомитета должен будет поступить ко мне, как к Председателю Совета Безопасности, и я считаю, что мне не следует в нем состоять. Если мой французский коллега согласен, я назначу подкомитет из трех членов, но сам в него не войду.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я согласен с Председателем и ценю его скромность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В таком случае, если нет других замечаний, я прошу членов Совета голосовать предложение представителя Франции об учреждении подкомитета из трех лиц для изучения различных предложений и представления доклада Совету завтра к 3 ч. дня.

Производится голосование поднятием рук.

Предложение принимается 9 голосами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Членами подкомитета я назначаю представителя Соединенных Штатов Америки, представителя СССР и представителя Франции.

Следующее заседание состоится завтра в 3 ч. дня.

Заседание закрывается в 6 ч. 25 м. вечера.